

Вырезки из газеты
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

3 043 1954

РЕДАКЦИОННЫЙ
ДЛЯНИК

О ЧУТКОСТИ

«Много лет знают жители Йошкар-Ола артиста Г. Н. Галину, измерительницу, вышивальщицу. Но мало кто знает, что она проходила в мастерские, и внешняя облик стала другим. Жизненности не стало. Галина избегает встречи и разговоров с знакомыми. Словом, как будто самая главная струна в человеке оборвалась...»

Так начинается корреспонденция З. Быковой.

Что же случилось в жизни артистки Галиной, вызвав такие разительные перемены в ее характере и поведении?

Если коротко передать эту весьма длинную историю, она выглядит так.

Галина Николаевна Галина-Гаврилова тринадцать лет отдала театру. Из них шестнадцать лет проработала она в Марийском государственном театре имени Шкертана. Но вот бывший директор театра тов. Бирюков и бывший главный режиссер тов. Амантов приходят и заключают, что артистка Галина профессионально не пригодна для работы на сцене, и увольняют ее.

Но будем пока брать под покровительство действий гг. Бирюкова и Амантова и оспаривать законность этих действий. Допустим, что их мнение о профессиональных качествах артистки Галиной было вполне оправданным и увольнение ее диктовалось интересами дела.

Как должны были себя в этом случае поведать себя руководители театра по отношению к Галиной, особенно зная ее преданность искусству, учитывая ее общественную активность? Казалось бы они обязаны были выказать особую чуткость, оказать всячески помощь Галиной подыскать ее работу, помочь в нее вернуться. Ведь Галина много не провинилась перед обществом, ее не за что наказывать суровостью и презрением. Тот факт, что она была признана после тридцатилетней работы на театре профессионально

непригодной, не может быть поставлен ей в вину, а выданы всего лишь бедняжки, которая не может не вызывать невольной сочувствия.

Но Бирюкова и Амантова мало занимала дальнейшая судьба артистки, ослучившейся или от театра. Они забывают не о ней, а о себе и, поубавляясь черствым эгоизмом, в предвзвешенном розмовного кофиданта с Галиной, начали сочинять на нее тенденциозные, необъективные, несправедливые характеристики.

Так рисуются дела, если даже прийти за списком мнений Галина-Гаврилова и Амантова по поводу творческих возможностей артистки Галиной.

Дело, однако, вагонезакономерно доверять этому мнению.

Перед нами протокол заседания президиума Марийского обкома профсоюза работников культуры от 20 декабря 1953 года. Вот какие мнения о тов. Галиной зафиксированы в протоколе. Член президиума тов. Бласов: «Тут что-то не видно Галину я знаю давно. Она была неплохой артисткой. Публика ее уважала. Член президиума тов. Молчанов: «Галину-Гаврилову увольнять несправедливо. Она у зрителей пользовалась авторитетом и сейчас не потеряла авторитета. Член президиума тов. Антоненко: «Галину-Гаврилову не увольнять и изгнать. Член президиума обкома профсоюза тов. Афанасьев: «Галина-Гаврилова была хорошей артисткой». Артист тов. Радовалов: «Увольнение Галиной-Гавриловой было явно несправедливо. Это было несправедливо. Наркомек, приславшей обкома профсоюза тов. Афанасьев: «По отношению к тов. Галиной допущена крайняя несправедливость. Тов. Галина-Гаврилова пользовалась успехом у зрителей».

Объективности ради приведем и высказанные на заседании обкома профсоюза суждения на по поводу артистки Галиной. Их два. Вот они. Директор

театра тов. Емельянов заявил, что Галина-Гаврилова освобождена от работы и восстановиться ее нет никаких оснований. Тов. Емельянов победил, как гласит протокол, считая неоправданным увольнение действительную работу актера в одном театре и аркомандуют тов. Галиной-Гавриловой вернуться на работу в качестве актрисы в каком-нибудь другом театре страны. Актёр Марийского театра тов. Скрибин заявил, что публика была недовольна и что поступают анонимные письма с требованием не выпускать Галину на сцену.

Легко понять пользу неосмотрительности этих «обвинений». В самом деле, увольнение, кажуется тов. Емельянову «неформальным», настолько широко распространено и обычно рассматривается как положительное. Цена «анонимных писем», на которые ссылается тов. Скрибин, объективна: как часто эти анонимные письма являются каверзными или клеветническими.

После их него этого не остается ни оного сколько-нибудь объективного свидетельства профессиональной непригодности Г. Галиной-Гавриловой и социальной неадекватности.

Зато мыслится конкретность неадекватности бывшего директора театра Бирюкова и бывшего главного режиссера Амантова.

Как возникает из того же протокола, тов. Галина-Гаврилова, будучи лучшим общественным работником, избрана председателем местного и секретарем партийной организации театра. Она констатируется в протоколе, «принимала активное участие в устремлении недовольства к работе Марийского театра». Вот это-то обстоятельство, оказывается, и послужило причиной того, что у Галиной отношения с администраторами стали напряженными. Однако, как говорится, все клеветливо. Говорят, как, впрочем, и раньше, в Йошкар-Ола никто не сомневался, что Бирюков подлощью расправился с Галиной-Гавриловой, дабы никому было выказать сор из избы, — а в случае чего сор и грязи в театре при его

уководстве было более чем достаточно. Случай не новый, не запечатленный в свое время «обвинениями» и «изобличениями», если честно сватается с возможностью многолетнего прозябания и самодурства и обязательного стремления обезличить «фактически неоплатимые» Дети бы по пути Бирюкова прикрываются бы не него. Не омейте, называет его примерным образом как замечивших критики — и дело с концом.

Но дело, о котором нам хочется поговорить, собственно, с этого только начинается.

Цитируем снова корреспонденцию З. Быковой.

«Галина кипучая, как член профсоюза, в местном. Но он оказался не на высоте положения...»

Она обратилась в городские организации.

«Там ее внимательно и сочувственно выслушали...»

И предположить догадливо администратора театра.

Оступая совершенно тов. Галиной «хождение по мукам» в качестве администратора, скажем только, что и с этой работой ее свалил.

И вот тут-то на защиту несправедливо и жестоко обожженного советского человека решался воплотиться Зоя Быкова, заведующая отделом культуры редакций газеты «Марийская правда» — автор цитированной выше корреспонденции. Что произошло дальше, рассказывается в письме З. Быковой, адресованном в редакцию «Советской культуры».

«Корреспонденция готовилась и печаталась в редакции «Марийской правды». В конце корреспонденции — три подписи — это мнение членов редакционного Бюро или ответственного секретаря редакции. Но как только материал попал к редактору — дело обернулось по-другому.

На нем, разумеется, указывают редактору «Марийской правды» тов. Маркелову, какому ему корреспонденция печатать и какому не печатать. Но факт остается фактом: корреспонденция эта не увидела света, и в судьбе Г. Галиной никаких изменений не произошло. Добрый десяток людей — один ст-

ветственный другого — а г. Йошкар-Ола соприкоснулся с «делом» артистки Г. Галиной. Маркеловы, впрочем, они выжидали полую и сплунную возможность послать туда авторитетную комиссию, но сами разоборались и т. д.

Но сколько до этого послушал сигналы о неблагополучии в театре, в частности и об участии тов. Бирюкова! Шли весточки и в местных, и в республиканских комиссиях, но сами разоборались и т. д.

«И — остался равнодушным. О несправедливости, злобных характеристиках, которые писались на артистку Бирюковым, зная мнение работников Министерства культуры РСФСР, в частности тов. Ширяев и тов. Малашев».

«И — остался равнодушным. Хотя кто же тов. Малашев дает такую оценку характеристике Г. Галиной как человеку и признает, что с ней «поступали жестоко».

«Откуда же появилась у этих людей равнодушие, это холодное равнодушие к судьбе, к жизни советского гражданина?»

«Ведь это и есть самый чистейший, самый отвратительный, самый недопустимый бюрократизм!»

«Не забываем в делах, не глумимся «нехотками» и «ископками», на судьбым индивидуальным иллюзиями (все это только внешность, только оболочка), — не, именно безудержным отношением к другому человеку выражается сущность бюрократизма.»

«Посмотрите на тех людей, которые соприкоснулись с «делом» Галины Галиной. Ну разве они похожи на бюрократов, как их обычно изображает карикатуристы? Повторите с этими людьми. О, они так «внимательно и сочувственно» (как пишет З. Быкова) выслушают вас, могут быть, даже очутятся. Но — не помогут! Не помогут не потому, что не хотят или не могут помочь. Не помогут потому, что они равнодушны к живому человеку с его личными нуждами и интересами.»

«Ну, в самом деле: у работников министерства в «голове» охотят театров, охотят коллективам. А тут частная жалоба из одного театра — стоит ли о ней помнить и думать? И вот — не помогают и не думают.

Характерно: когда с наивными вы-

ше работниками Министерства культуры РСФСР соприкасался реликвия загора, о делах Маркеловы, впрочем, они выжидали полую и сплунную возможность послать туда авторитетную комиссию, но сами разоборались и т. д.

«И — остался равнодушным. О несправедливости, злобных характеристиках, которые писались на артистку Бирюковым, зная мнение работников Министерства культуры РСФСР, в частности тов. Ширяев и тов. Малашев».

«И — остался равнодушным. Хотя кто же тов. Малашев дает такую оценку характеристике Г. Галиной как человеку и признает, что с ней «поступали жестоко».

«Откуда же появилась у этих людей равнодушие, это холодное равнодушие к судьбе, к жизни советского гражданина?»

«Ведь это и есть самый чистейший, самый отвратительный, самый недопустимый бюрократизм!»

«Не забываем в делах, не глумимся «нехотками» и «ископками», на судьбым индивидуальным иллюзиями (все это только внешность, только оболочка), — не, именно безудержным отношением к другому человеку выражается сущность бюрократизма.»

«Посмотрите на тех людей, которые соприкоснулись с «делом» Галины Галиной. Ну разве они похожи на бюрократов, как их обычно изображает карикатуристы? Повторите с этими людьми. О, они так «внимательно и сочувственно» (как пишет З. Быкова) выслушают вас, могут быть, даже очутятся. Но — не помогут! Не помогут не потому, что не хотят или не могут помочь. Не помогут потому, что они равнодушны к живому человеку с его личными нуждами и интересами.»

«Ну, в самом деле: у работников министерства в «голове» охотят театров, охотят коллективам. А тут частная жалоба из одного театра — стоит ли о ней помнить и думать? И вот — не помогают и не думают.

Характерно: когда с наивными вы-

«И — остался равнодушным. Хотя кто же тов. Малашев дает такую оценку характеристике Г. Галиной как человеку и признает, что с ней «поступали жестоко».

«И — остался равнодушным. Хотя кто же тов. Малашев дает такую оценку характеристике Г. Галиной как человеку и признает, что с ней «поступали жестоко».